

Издатель: Клуб почитательниц маркиз де Сада,
Григория Распутина и Николая Озимова

Н.М.Озимов

СНЫ ПЕТРА СЕРГЕЕВИЧА

– Нет,– сказал Петр Сергеевич. – Вы не понимаете, что такое сон. Впрочем и я этого не понимаю... Он помолчал и добавил. – До конца не понимаю...

Мы сидели за столиком в сельской столовой. Знаете, такие придорожные столовые на Украине, куда забегают перекусить водители междугородних автобусов, пассажиры и местные пьянчужки.

Было шумно. Накурено. На грязной скатерти стола фаянсовые тарелки с клеймом Общепита. Над остатками борща и макаронов по флотски въедливый запах невкусной пищи.

Серая обыденность. Я смотрел сквозь морщинистое невыразительное лицо Петра Сергеевича на сельскую улицу у него за спиной, ковырялся вилкой в чем-то невообразимом под названием жаркое. Осень. Мелкий моросящий дождь. Размытая ухабистая дорога.

– Так же как с Вами сейчас,– продолжал Петр Сергеевич,– разговорился я несколько лет тому назад с проезжей бабусей. Я в правлении колхоза бухгалтер. Холостяк. А сюда поесть хожу... Бабуся как все в ее возрасте. Одета в серое. И в походке, и в манере держаться – обыкновенная бабуся. И я, привыкший к серой обывательской жизни и ко всему этому,– он повел правой рукой в сторону залы, а потом к пейзажу у себя за спиной,– был материалистом на все сто. Бабка рассмеялась мне в лицо. Она сказала: Есть два Мира. Физический, в котором мы живем, и – Мир Духов.

Я удивленно посмотрел на Петра Сергеевича, а он, будто погружаясь в себя, будто проваливаясь в истинное свое Я, быстро, то срываясь на высокие ноты, а то понижая голос до шепота, начал говорить, говорить. Его глаза под мохнатыми седыми бровями внезапно блеснули синеватым светом, вспыхнули как у кошки в сумрачной комнате и остановились на моем лице, заглянули в глубину души.

Бабка сказала:

– Между двумя Мирами очень тонкая граница, как газовая вуаль. Но наше сознание легко ее преодолеет. Например, освоив технику ритмического дыхания. Попробуй – если не трус. Дыхательные упражнения по полчаса три раза в день. Десять секунд медленно носом втягиваешь воздух, как бы вниз живота. Потом задерживаешь дыхание и подтягиваешь живот до самого горла. И последние десять секунд медленно через нос – выдыхаешь.

Я упражнялся в ритмическом дыхании у себя в общежитии. На одной из голых стен на уровне глаз забил гвоздик и нацепил наручные часы.

Секундная стрелка медленно ползла по циферблату. Сжимало виски. Горячая дурманящая волна плеснула на темечко и потекла по затылку... Судорожные конвульсии передергивали все тело. Нехватало воздуха.

Я на мгновение закрыл глаза и – будто повис лицом вниз над рекой. Прозрачная вода течет по песчаному дну. Шевелятся надонные растения. Солнце искрится на водной ряби...

Картинка сменилась.

...Сумрачный вечер. Я как бы из пещеры смотрю на зеленый

холм, поросший лесом. Справа вспыхнула белая светящаяся точка и медленно по горизонтали пошла влево, но, только зашла на край холма, превратилася в глаз, который уставился в меня. Глаз пересек изображение холма. Превратился в точку. Точка, двигаясь, ушла налево.

Нехватало воздуха. Удушье сломало меня и я задышал. Сделал глубокий вдох, другой...

Подташнивало. Кружилась голова. Я здесь один в серой одинокой комнате, а рядом... Теперь понятно почему ведьмы бегали на шабаш, почему с улыбкой шли на костер. Да и мне какая радость прозябать в качестве маленького человека в этом сером физическом мире.

...Честь безумцу, который навеет
Человечеству Сон Золотой.

Я упражнялся по пять раз на день. А в выходные с утра и до вечера. Видения окружали меня. Духи, Демоны и божества луны. Я убежал в Истинную Реальность и на всем моем облике появилась печать человека не от мира сего. Женщины подходили прямо на улице - просили устроить личную жизнь, исцелить болезни.

Но, когда из города прикатила первая расфуфыренная мадам, общежитие загудело. Куда смотрит общественность? Пришел участковый. Провел беседу. А мадам приезжала еще и еще. Ловила меня на улице. Подкарауливала в этой столовой.

Она работала в городском туристическом агентстве. Была замужем за учителем физкультуры. Парень высокий, красивый, занимается восточными боевыми искусствами. Потом запил, бросил работу, связался со шпаной. А она, по ее словам, имеет какое-то отдаленное отношение к валюте. Семья развалилась, но муж за валюту держится. Она с дочкой переехала в квартиру матери, но он ходит и туда - дерется.

- Отворожи, отец,- просит женщина.

А я говорю:

- Страшное это дело. На молодой месяц придем на кладбище. Найдем могилу с твоим именем. Будешь мертвую молить о помощи. Потом разденешься до гола, в каждую руку возьмешь горсть земли от креста и ляжешь голая на могилу. Я буду петь заклинания, буду просить, чтобы душа мертвячки в тебя вселилась. Зарежу над твоим телом черную курицу и ты выпьешь ее кровь и проглотишь трепещущее сердце.

- Все стерплю. Только помоги.

Но в назначенный день не приехала. Прошел месяц. Другой. Завтра новолуние и снится мне ночью сон. Будто в мою комнату пришла эта женщина.

- Вера Петровна. А для Вас просто Вера.

Мы сидим на моей кровати. Разговариваем. И смотрит она мне в глаза, упорно ловит мой взгляд, так что жутко мне делается.

Я встал, подошел к окну.

- Раздевайся,- говорю. Разделась. А мне еще хуже. Так тяжело на сердце. Знаю, надо раздеваться. Попросил выключить свет, но в комнате по-прежнему светло-пресветло. Расстегнул рубашку. К койке шагнул. Потом оборачиваюсь. Окно настежь. Шторы ветром разнесло. На фоне окна черный силуэт. Не успел осознать - человек это или не человек. Он уже руки протянул и взял меня за бедра. Ужас. Пронзительный леденящий ужас.

Мгновенно проснулся. Лежу на спине в своей комнате. За окном ночь. Никого. А руки эти ледяные до сих пор на себе чувствую.

Если верить "Соннику", увидеть во сне Привидение и испугаться - участие больших сил, давление на спящего, чтобы поступился своим.

А днем из города Вера Петровна приехала.

- Решилась. Идем на кладбище. Я ей про сон. А она - будь что будет. Я уже так и этак. Стыдно девке признаться, что сам колдун струсил.

- Понимаешь,- говорю,- у тебя запущенный случай. Тебе только Черная Месса поможет.

- Я и на Черную согласна. А на счет денег не сомневайся. У меня в Киеве кооперативная трехкомнатная квартира. Завтра поедем в город и я на твое имя дарственную оформлю. Ну, что мне делать? Одинокому сельскому бухгалтеру, когда киевской квартирой поманили.

- И Вы согласились,- не выдержал я. Петр Сергеевич отвел глаза в сторону. Помолчал.

- Понимаете. В нашем деле. Я все-таки какой-никакой колдун.

Эти слова вызвали на моем лице непроизвольную улыбку. Подумайте сами: сижу в захудалой сельской столовой за одним столом с колдуном. Бред да и только. Но рассказ захватил меня.

- Когда к тебе обратились за помощью, колдун принимает в расчет не Здравый смысл, а голос Интуиции или, как мы говорим, Голос Бездны. Мой ночной страх ослабел, рассеялся и я неожиданно для себя сказал: "Поколеси по больницам нашего района. Ищи в больничном морге девушку, которая умрет сегодня ночью. Найдешь - приезжай. Я твой. Отворожу. Отведу от тебя мужа над мертвым телом этой девушки..."

Она поехала.

- Ну и что,- не выдержал я.- Приезжала?

Петр Сергеевич помолчал, посмотрел мне в глаза.

- Я здесь ее жду. Я сегодня отпросился с работы.

- Вы думаете?..

- Я не думаю. Я сегодня ночью все уже видел. Ведь мы с Вами про сны разговоры разговариваем.

Морг этот поблизости. Километров двадцать. И приедем мы туда к полуночи.

Вера Петровна сторожу морга уже сунула сто рублей. С вечера напьется и до обеда проспит. И ключи от морга он уже отдал. Везет Вера ключи. Я мертвячку как женщину поимею. Сначала будет страшно. Маленькая пустая комната. В самом центре - мраморный стол. Свечи дымят, трепещут тени на стене. Ужас внутри меня. Долго буду раздеваться и подходить к ней с замиранием сердца, задыхаясь.... А половой член встал как кол. Какие у нее холодные ноги, но медленно-медленно сгибаются, когда я тяну ее тело к себе на край стола.

Тело белое. Тугие маленькие груди. Каждый раз, когда я рывком все ближе и ближе подвожу ее лоно на край стола, губы девушки вздрагивают и складываются в гримасу улыбки. Черные волосы липкими потными лохмами, как змеи, ползут за ее головой.

Глубоко вздохнув и зажмурив глаза, погружаюсь в ее тело, теряю сознание от беспредельного страха и удовольствия одновременно.

— Так Вы уже совершали подобное,— не выдержал я.

Петр Сергеевич прервал расскаэ, долго смотрел на меня.

— Я,— сказал он,— рассказываю сон. Что такое сон не понимаю ни я, ни Вы... Но самое удивительное, это сон во сне. Одна часть моего сознания понимает, что я сплю у себя в общежитии; другая часть осознает себя в морге и тоже раздваивается: частично засыпает и в то же время видит новый сон. И в этом новом сне я ласкаю тело мертвой девушки, все сильней возбуждаюсь, ласкаю ее руками, наклоняюсь, целую. И вдруг навстречу мне из ее тела ударили волны тепла и жара.

Она задрожала, вздохнула порывисто и открыла глаза. Не отрываясь, смотрит. Лицо ее засветилось и то вспыхивало, то погружалось в тень. Время остановилось.

— Кто ты? — спросила мертвая.

Я схватил ее руки своими, переплел пальцы. Ее колени лежали на моих локтях. Я прижался к ней намертво.

— Кто ты? — спросила опять.

Морг был освещен четырьмя свечами, которые стояли по углам в поллитровых банках.

Но сделалось так темно, словно вся ночь вошла в морг через форточку и решетку окна. Я боялся смотреть в окно, я боялся смотреть в лицо метвой девушки, и тогда я овладел, овладел ее телом яростно и стремительно как страстный любовник.

Она затрепетала. Дрожь в моих и ее ногах, дрожь из моих пальцев передавалась ее пальцам. Страстные стоны, вскрики.

Но только я останавливался, как ее глаза принимали осмысленное выражение и она говорила:

— Кто ты?

Моя городская мадам постучала в дверь морга. Мы договорились, что Вера Петровна придет через три часа. Значит прошло три часа. И сейчас три часа ночи. Время Вампиров.

— Входи, Вера,— сказал я пересохшими губами.

— Кто ты? — опять спросила девушка. Входная дверь заскрипела и открылась. Раздались шаги и открылась дверь у меня за спиной. Крик ужаса и скрип съезжающего по стене тела. Я голый посреди морга. Две женщины лежали... Я боялся оглянуться, но не мог отвести глаз от лица девушки, лежащей передо мной.

Она захохотала и вывернула руки, и вскочила на ноги посреди мраморного стола.

Только когда холод из облицованной плиткой стены остановил мое убегающее тело, я понял, что загнан в угол. Опрокинутая ногой свеча зашипела и погасла. Банка катилась к двери морга.

Мои женщины первые пришли в себя. Они смотрели друг на друга, встряхивали головой, плакали и обе проклинали меня. Грозила кулачком то одна, то другая.

Передо мной все качалось и плыло. Мертвячку или точнее ожившую из мертвых звали Олей. Мы закутали ее в какие-то тряпки и увезли ко мне в общежитие.

Утром я позвонил ее родителям. Еще одна истерика. Они приехали с милицией. Прибежал и мой участковый. Разговоры — протоколы. Повезли к прокурору. Но, как не крути, — а я оживил, воскресил мертвую.

Меня не просто отпустили, а на милицейском газике отвезли в общежитие. Сбежалось полсела. Приехала Оля с родителями. Осталась у меня, в моей комнате.

Через три дня из города приехала Вера Петровна. Неумолимая как Судьба. У меня не было сил с ней спорить.

— Помоги ей,— сказала Оля.

И ночью мы вернулись в морг. Остались вдвоем. Оля легла на мраморный стол.

Ужас не отпускал меня ни на мгновение. Я знал, что не могу остановиться, я знал, что ничего нельзя изменить. Это Судьба. Она никогда не оживала и все эти три дня она была и продолжала оставаться мертвой. Сейчас мы начнем и ее тело у меня на глазах превратится в разлагающийся труп.

Петр Сергеевич замолчал. Тяжело вздохнул.

— А Вы говорите,— сказал он,— что сон это иллюзия. Фантазия. Сейчас приедет моя заказчица. Осталось недолго. Несколько минут.

Н.М.Озимов

В Е Л Е С — Ч Е Р Н Ы Й М Е Д В Е Д Ь

Когда мы разделись, возникла неловкость. И девушки известны мне и в лицо, и на ощупь, и они меня любят страстно, но сексом втроем мы еще не занимались.

— Ложись Марина под стенку, — сказал я.

Таня прикорнула скраю, лежала тихо, как мышка, потом положила мне руку на грудь и ногу на мое бедро положила и прижалась,потерлась лобком.

Марина в школе была комсоргом, и привычка проявлять активность проявилась и здесь.

— Таня, — сказала она. — Николай Михайлович наш учитель и мы должны его слушаться.

Половой член у меня вскочил и напрягся, затвердел, даже мышцы в паху заболели. Я перелез через Таню и, схватив ее за волосы и лобок, почти поднял в воздух. Она вскочила с болезненным стоном, и я швырнул ее на алтарь, набросил на ее лицо платок.

Марина стояла рядом, блестя глазами и сдерживая дрожь в руках, все время поправляла сбившуюся прическу. Снимала с алтаря кувшин с водой и жадно пила.

Таня задрала ноги, подхватила их под колени руками и, когда я половым членом толкнулся в ее лобок и, приседая, провел головкой по разрезу больших губ, взвизгнула, зашептала:

"Хуй, хуй, хуй!
Созерцайте хуй бога Рода!
Прекрасный, как расплавленное золото..."

Дальше она говорить не смогла и только кричала: Ааа! ааа!

Марина прижималась ко мне боком, терлась щекой и плечом, выговаривала заплетающимся языком:

– Люби! Меня! Ну пожалуйста.

Я поймал ее руку и, повернув ладонью к себе, растопырил ей пальцы и через мизинец и безымянный вошел своим членом во влагалище Тани.

– Девочки, мои любимые девочки! Ведьмочки мои! Славьте Великую мать, – говорил я. И они забормотали, вскрикивая:

– Макош – Мокош! Макош – Мокош! Макош – Мокош!

Марина упала на колени, обцеловала мне бедро, и я оторвался от женщины и позволил поцеловать мне член и влагалище подруги, а после потер головкой члена губы Марины и разгоряченные щеки. И снова ринулся в Таню с напором, со всей силы и медленно, медленно выходил из нее, остановился, погруженный только краешком головки. Гладил ладонями колени женщины, гладил пальцами внутренние поверхности бедер.

Марина уже была на ногах. Она оперлась руками в край алтаря и обрушила жаркие поцелуи на живот и лобок Тани и, просовывая голову все дальше и дальше, запрыгала горячими губами по моему члену, и я сжалился над несчастной женщиной и, качнувшись бедрами назад, вонзился в ее округлившийся рот.

Она хрипела, она царапала мои и Танины ноги, но сама надевалась и заглатывала.

Пришлось положить на алтарь Марину, ничего не скажешь. Заслужила. Старалась изо всех сил.

И я старался в бешенном темпе, входя на всю глубину, так что она вскрикивала и выгибалась из-под меня, и мой член коварно трепетал и бился и кругами огибал вход во влагалище. И когда женщина совершенно теряла сорвавшийся голос и только головой мотала на алтаре от удовольствия, он нырял на самое дно.

– Еще! Еще! – кричала Марина. – Глубже. Глубже!

Я тоже осатанел. Озверел от желания. Таня стояла рядом и стыдливо отводила глаза. Я ударил ее по щеке. Ударил еще и еще.

– Смотри, не смей отворачиваться. Смотри.

И вдруг Марина, нагнувшись, укусила Таню за левый сосок. Она заорала не столько от боли, сколько от страха. Ей в ответ заорала Марина и, вцепившись пальцами в края столешницы алтаря, соскочила с полового члена и, сделав стойку на плечах и раскинув ноги, показала мне свое молодое прекрасное лоно во всем могуществе женской Силы.

Время остановилось. Звуки пропали. Как оглушенный, я смотрел и дрожал, смутно осознавая, что впал в состояние оргазма, и мой вздыбленный член беспрерывно, как фонтан, извергается на алтарь, на плечи Марины, на лицо Тани, нырнувшей навстречу струям спермы.

Сколько это продолжалось не помню. Не помню, когда в моих руках оказался ритуальный из осины половой член.

Но прежде, чем бедра Марины рухнули на алтарь, я вонзил в ее влагалище этот магический предмет.

Боже, как она кричала, так что Таня отпрянула в сторону, спряталась за моей спиной.

А Марина уже правой ногой касалась пола и с деревянным членом в себе, схватившись левой рукой за голову, правой рукой махала на меня и кричала:

— Медведь! Медведь! Медведь!

Она забилась в угол...

— Медведь! Медведь!

Таня изловчилась и вынула из нее магический жезл.

— Смотри, — сказала она. — Крови нет. Может, ты больно всунул, он все-таки деревянный.

Марина пришла в себя минут через двадцать, но и потом, разговаривая со мной, она ни с того, нис сего вздрагивала и пугливо отшатывалась.

— Ты чокнулась, — смеялась Таня. — Дотрахалась. До чертиков. Белочка сексуальная.

— Сначала, — сказала Марина, — все было, как обычно. Я возбудилась. А потом как солнечный удар. Тело стало мокрым. Свет померк. Вижу только половой член. Он все больше и больше.

Еще понимала, что ложусь на алтарь. Потом взрыв перед глазами. Космос.

Вращаются вокруг меня звезды. Сплошной хаос. Огромная луна, из нее вытекает ослепительный луч. Прожигает мне лоб. По бокам луны две женщины. Молодая и старая. Хохочут. И зубы у них острые, как у вампиров.

Появляетесь Вы, Николай Михайлович.

Лицо у Вас чисто выбрито. Вы молодой парень.

— Как же так? — говорю я.

Вы смеетесь, закинув голову. Снова зубы. Острые зубы.

— Я, — говорите Вы, — пью из вас жизненную энергию и обретаю вторую молодость. А вы пойдете в АД...

Снова хаос и звезды вращаются перед глазами. И стоит надо мной ЧЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ. БОГ ВЕЛЕС. БОГ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ. Склоняется, раскинув лапы...

— Белочка, Белая горячка, — сказала Таня. — Трахаться нужно меньше.

— А чего сама, — засмеялась Марина.

Таня тоже засмеялась и говорит:

— Все. Я для себя решила. Хватит всяким колдунам обижать сиротку. Поеду в Москву. Поставлю себе целку. Фиг кому дам.

ОЗИМОВ Н.М.
ул. Энгельса, 122/41, кв. 62
тел. 64-29-86

У В А Ж А Е М Ы Й   Ч И Т А Т Е Л Ь !

Ты держишь в руках N1 газеты "Волки Луны", который состряпали веселые ублюдки с Вильной Украины для всяких там анархистов, язычников и сатанистов. Прочитай ее сам и передай приятелям.

Немного о нашей газете.

1. Мы ненавидим Государство и любую форму Власти.

2. Смеемся над дураком, поверившим в сказку об Исусе Христе. Христианские священники говорят, что он находится в Раю, иудейские священники утверждают, что Исус в Аду и ему как еретику назначено наказание - с головой окунают в кипящую грязь. Коментаторы Корана весь шестой этаж мусульманского Ада отвели для Христиан.

Так где же находится Иисус Христос - в Раю или в Аду? Если в Аду, то в котором: иудейском или мусульманском?

Иисус Христос! Где ты?

Ау! Ау! Ау!

Н.М.Озимов

Закинув ноги голые на крест,
Свисает Ведьма, косы на могиле.
Колдун взревел Бандитский Благовест
И совы небо мрачное чертили.

Нательный крестик высоко воздев
Корявою рукой простолюдина,
Он дико пел, от Дикой Воли пел,
Когда взрезают брюхо господина,

Когда сжигают все его добро
И дочь насилуют на девичей постели.
– Да прийдет Зло, да прийдет в Мире Зло! –
Колдун и Ведьма яростно ревели.

Будь проклят мир богатых и святош!
В Пизду распутную мокаю крест нательный.
Он освятит в бою Бандитский Нож,
Которым нанесу удар смертельный.

Смерть богатым!

Девушки и женщины, я жду вас!!!

Наш телефон: 8 0472 64-29-86
Наш адрес : Советский Союз, г.Черкассы,
ул.Энгельса, 122/41-52
Озимову Н.М.